

на юаньский опыт, монгольская аристократия и в XVII столетии надеялась, что и в новом, маньчжурском, государстве идеологическое единение на базе, скажем, буддизма, гарантирует ей наиболее выгодное положение. Однако маньчжуры решили по-другому и предпочли стать одной из самых «традиционных» династий в истории Китая. Правда, здесь надо сделать небольшую оговорку — ламаизму цинская монархия все-таки отводила хотя и не первостепенное, но особое место.

Е. И. НЕСТЕРОВА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
второй половины XIX — начала XX в.
О КОЛОНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Процесс колонизации стал объектом самостоятельного изучения в России во второй половине XIX в. Указанная проблема интересовала российских исследователей преимущественно в двух аспектах: как исторический фактор государственного и имперского строительства и как инструмент формирования колонизационной политики государства. Необходимо отметить, что в русской историографии термин «колонизация» не носил негативного оттенка и по смыслу ближе всего стоял к термину «расселение». В известном словаре Брокгауза и Ефрона дается следующее определение этому понятию: «Колонизация — массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев какого-либо цивилизованного государства»¹.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть степень изученности колонизации Дальнего Востока в контексте исследования общерусской колонизации и обозначить основную проблематику работ по колонизации.

Глубокое изучение процесса колонизации как исторического фактора государственного строительства в России начинается с

¹Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1895. Т. 30. С. 736.

© Е. И. Нестерова, 2004

работ С. М. Соловьева. Испытывая влияние подходов К. Риттера², чьи лекции ученый слушал в Берлине в начале 40-х годов, С. М. Соловьев начинает свою «Историю России» с очерка природной среды, отмечая, что «равнина (от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского) <...> рано или поздно станет областью одного государства»³. Однако бедность и однообразие природных условий, по его мнению, не обеспечивали прочной оседлости населения, вели его к подвижности и слабости социальной организации. Отсюда и выростала ведущая роль государства. С. М. Соловьев был первым отечественным историком, показавшим связь природной среды с другими составляющими исторического развития России⁴ и указавшим на то, что формирование государственной территории происходило в процессе колонизации. «В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и насе-

²К. Риттер, по выражению испанского историка Альтамиры, «утвердил изучение географических явлений как элемента социальной истории». После его исследований природные условия стали изучать как внешнюю обстановку, в которой развивается исторический процесс. См.: *Яцунский В.* Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 13.

³*Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 56.

⁴Некоторые подходы в изучении процесса колонизации тесно связаны с включением в проблемное поле темы влияния природной среды на социальные процессы и историю в целом. Возникновение учения о влиянии природной среды на характер культуры и общественного строя связано с именем Ш. Монтескье («О духе законов», 1748). Однако первый научный труд на эту тему, «Политическая география», был создан в 1897 г. немецким географом Ф. Ратцелем, попытавшимся построить новую ветвь науки — антропогеографию. Во Франции несколько позже Ф. Ратцеля со сходной системой идей выступил Видаль де ля Бланш, ставший основоположником французской географической школы. В отечественной научной литературе вопрос о влиянии географической среды поставлен в XVIII в. И. Болтиным. Однако вплоть до середины XIX в. этот вопрос ставился обычно в общем виде и разрешался в форме признания решающего влияния одного из природных условий — климата данной страны на психику человека, а через нее на общество и весь исторический процесс. В этом же ключе в первой половине XIX в. Н. А. Полевой попытался проанализировать связь между географической средой и ходом истории России. Однако, как и другие историки этого периода, он не рассматривал прямо феномен колонизации. Среди прочих его больше занимают вопросы о влиянии природы на формирование психологического типа русского человека, при этом он замечает, что «русский народ это — народ, соединивший в себе Восток и Запад, Европу и Азию <...>, народ потомок тяжелых славян и отважных норманнов, родной Европе, родной и Азии». См.: *Полевой Н.* Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого. СПб., 1846. С. XL.

ляет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации...»⁵.

В 1864–1867 гг. А. П. Шапов публикует цикл статей под заглавием «Историко-географическое распределение русского народонаселения». А. П. Шапов, находившийся под сильным влиянием идей К. Риттера, считал, что географическая среда определяет не только хозяйственную жизнь человека, но и его психику. В этих работах интересен региональный аспект — начало колонизации Сибири объясняется погоней за пушниной, а также истощением земли в Европейской России. По мнению автора, движущими силами колонизации являлись прежде всего экономические факторы: «хлеб и земледелие были первыми, главными, преобладающими рычагами колонизации <...>. От Волги хлебопахатная колонизация простерлась до Камчатки и проникла даже в самую Камчатку»⁶.

Наиболее фундаментально тема «государство и колонизация» была разработана В. О. Ключевским. По его мнению, колонизация являлась стержневым процессом в истории России, сформировавшим быт народа и определившим административное деление страны. Хорошо известно его замечание: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширяется вместе с территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней»⁷.

Основные концептуальные положения В. О. Ключевского о ходе, особенностях русской колонизации и ее влиянии на экономический и общественный быт русского народа были той основой, на которой выросли конкретно-исторические наблюдения М. К. Любавского, преемника В. О. Ключевского по кафедре русской истории МГУ⁸. Главным вопросом истории колонизации страны он считал вопрос о том, как и почему русский народ «разбросался» на территории, далеко не соответствовавшей его численности. М. К. Любавский, выделив основные этапы колонизации Сибири, к третьему этапу отнес освоение Дальнего Востока. Он отметил, что заселение Амурского и Уссурийского краев стоит особняком в колонизации Сибири, так как колонизация Приамурья вызвана военно-стратегическими и по-

⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 58.

⁶ Шапов А. П. Сочинения. СПб., 1906. Т. 2. С. 193.

⁷ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 50.

⁸ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.

литическими соображениями. В 1928 г. М. К. Любавский завершил труд всей жизни «Обзор истории русской колонизации», в котором свел воедино все частные исследования по этой проблеме, однако издана эта работа лишь была в 1996 г.

Первый опыт комплексного исследования колонизации в связи с ходом исторического развития России принадлежит П. Н. Милюкову, считавшему, что для понимания «русской истории знакомство с колонизацией русской земли, хотя бы в общих чертах, совершенно необходимо»⁹. В своей работе он отмечал, что общего очерка колонизации России в литературе не существует. Декларируя незавершенность на то время процесса колонизации русской земли, П. Н. Милюков тем не менее не рассматривал приобретения, сделанные Россией в XIX в. Не отрицая существования вольной колонизации, он рассматривал колонизационный процесс как одно из средств правительства в решении насущных проблем (обороне южных границ, борьбе со степью).

Методологической базой большинства историко-географических исследований в русской историографии конца XIX — начала XX в. являлись позитивистские теории, получившие обоснование в немецкой антропогеографии, в свете которых рассматривалась роль колонизации в историческом развитии России. Своими корнями это направление уходит в историко-философские построения И. Канта, В. фон Гумбольдта, К. Риттера и других мыслителей, которые уделяли значительное внимание физическому окружению и его влиянию на общественно-историческое развитие.

Таким образом, в XIX в. проблема колонизации Дальнего Востока фактически не рассматривалась в собственно исторических построениях. Однако историки «государственной» школы заложили основания традиции рассматривать Сибирь и Дальний Восток как «пространственные и ресурсно-силовые факторы «прирастания» российского могущества, идентифицируемого главным образом со «столичным» сегментом национального развития и политическим азимутом европеизма». Восточные регионы России осмысливались «как этапы или вехи экспансии европейской цивилизации (пусть даже в «перекодированном» русском варианте) на мировой периферии»¹⁰.

⁹ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904. Ч. 1. С. 54.

¹⁰ Алексеев В. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. Постановка проблемы // Вестник ДВО РАН. 1998. №3. С. 64.

В рамках второго подхода к колонизации как инструменту формирования колонизационной политики государства нужно отметить, что, несмотря на значительный интерес дореволюционной историографии к изучению освоения окраин Российской империи, все же большинство работ не являлись в точном смысле слова историческими исследованиями, так как процесс накопления исторического материала только начинался.

В большинстве случаев работы носили описательный характер, зачастую авторов более всего интересовали персоналии, хронология, артефакты, т. е. все то, что составляет совокупность фактов, но не имеет собственного проблемного поля исследования. Это признавали и дореволюционные исследователи: «...теория переселения не только не делает успехов, но и почти не существует. Между тем ... без теории невозможно как следует уяснить нужды и задачи колонизационной политики»¹¹.

Особняком стоят немногочисленные работы, посвященные теории колонизации, в которых делаются попытки типологизации, определения движущих сил колонизации, выделения общего и особенного в российском колонизационном процессе. Принципиальным вопросом, задававшим определенный ракурс изучения колонизации, являлся вопрос: «Чем является Азиатская Россия — окраиной или колонией?» Достаточно распространенной была точка зрения, выраженная Г. Гинсом, который отмечал, что о русских колониях можно говорить лишь с большой оговоркой. Однако, принимая во внимание, что Азиатская Россия заменяет для России колонии, к ней могут быть применены теории и практики колонизационной политики, и поэтому возможно условное обозначение сибирских и среднеазиатских окраин колониями. Размышляя о соотношении понятий «переселение» и «колонизация», Г. Гинс в статье «Переселение и колонизация»¹² приходит к выводу: «...дело переселения, является лишь одним из средств колонизации, если под последней разуметь политику всестороннего культурного развития незаселенных и слабо заселенных пространств». В ходе анализа различных точек зрения Г. Гинс делает заключение: «У нас есть “переселенческая” политика, но нам нужна политика колонизационная».

¹¹ Тресвятский В. К. теории переселений // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 52.

¹² Гинс Г. Переселение и колонизация // Там же. С. 73–121.

Касаясь этической оценки колониционной политики, автор отмечает, что «на колонизацию надо смотреть как на неизбежное экономическое явление, которое с точки зрения хозяйства современных народов представляется полезным и выгодным делом. Никаких прав отсюда для цивилизованных народов, равно как и никаких обязанностей для народов нецивилизованных не возникает».

Интересная попытка определить характер российской колонизации сделана в статье В. Тресвятского «К теории переселений»¹³. В статье автор выделяет две основные силы российской колонизации: государство и народ. Лейтмотивом правительственной колонизации являлось усиление политического влияния и укрепление русской народности на окраинах Азиатской России. Стимулом для вольнонародной колонизации являлся интерес частноправовой, желание найти лучшие для жизни условия, поэтому экономический фактор всегда служил базисом переселения. Обращаясь к мировому опыту, автор дает анализ различных систем колониционной политики: французской (концессионно-покровительственной), английской (народно-трудовой), американская (гомстедной). Подводя итог, автор делает вывод, что колонизация важна как с экономической, так и с политической точки зрения.

Достаточно распространенной в дореволюционной историографии была апелляция к метафизическим причинам колонизации: чувству экспансии, великому долгу России, ее миссии по отношению к азиатским народам. Наиболее ярко эти взгляды представлены в сочинениях князя Э. Э. Ухтомского, сопровождавшего Николая II в его путешествии на Восток. В книге «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника цесаревича», которую, кстати, было рекомендовано выписать всем средним учебным заведениям России, Ухтомский выражал мнение о глубоком духовном родстве русского и азиатских народов, считая, что между Западной Европой и Азией разверзлась пропасть. «Россия, строго говоря, та же Азия, она занимает историческое, предвечное положение на гранях противоположных культур... Мы с лишком двести лет оставались дома, ибо нельзя назвать естественное слияние с Туркестаном и Приамурьем политическими захватами». Сравнивая колонизацию Британии и России, он отмечает,

¹³ Тресвятский В. Указ. соч. С. 55.

что «для одних это — приятная, однако весьма ненадежная оккупация земель, облюбованных солнцем, с невероятно дешевым человеческим трудом, для Азии Белого Царя — это есть домостроительный принцип, недостаточно еще воплощенный в туземную жизнь». Характерной чертой русской колонизации от Эрзерума до Южно-Уссурийского края, по его мнению, является отсутствие внутреннего разлада между так называемыми победителями и побежденными, развивающаяся и бьющая ключом народная жизнь... которая ничего не завоевывает, так как весь этот выплескивающийся в нас инородческий люд нам брат по крови, по традициям, по взглядам». Задачу России Ухтомский видел не в том, чтобы нести западную цивилизацию в Азию, а в признании собственной азиатской сущности и слиянии с Азией в единое самодержавное антизападное пространство, где восторжествуют ценности самодержавия, которые он находил близкими восточной политической культуре¹⁴.

Другим автором, обращавшимся к анализу колонизации с позиции психологии народов, был Главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Васильчиков, который отмечал, что есть народы и целые расы, склонные «по природе своей к переселениям»¹⁵. С расовыми отличиями он связывал и разные способы колонизации. По его мнению, для России характерна модель народной колонизации. «Вся Россия заселялась, таким образом, без спроса и ведома правительства, на севере — Поморье, на востоке — Заволжский край, Сибирь, за последнее время — Амурская область и Туркестан. Русские люди проникали и поселялись в этих странах прежде, чем вступали в них русские войска и власти, и завоевания, колонизация совершались не оружием, а орудиями — сохой, косой, топором»¹⁶. Если оставить в стороне рассуждения о влиянии национального характера на способ колонизации, то мнение Васильчикова в целом не выпадет из традиционного спектра мнений дореволюционных историков, кроме одного нюанса: большинство все же отмечали в качестве особенности колонизации Приамурья приоритет государства в этом процессе.

Заметное влияние на русское общественное мнение в колонизационном вопросе оказала изданная в 1877 г. в Санкт-Петербурге

¹⁴РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1583. Л. 29–32.

¹⁵Тресвятский В. Указ. соч. С. 57.

¹⁶Там же.

книга французского исследователя Л. Болье «Колонизация новейших народов». Заметим, что, давая определение колонизации, он разводил понятия «колонизация» и «эмиграция» — «эмиграция, занятие новой почвы... не есть еще колонизация в истинном смысле этого слова. Колонизация — результат сознания, явление, подчиненное своим правилам и порождаемое обществом, далеко ушедшим по пути развития...»¹⁷. Однако нас интересует несколько иной аспект его теории, получивший развитие в работах отечественных исследователей (П. Головачева и др.) — осмысление проблемы совпадения культурной матрицы народа с экологической нишей колонизируемой территории. В рамках указанного подхода П. Головачев выделяет естественную и искусственную колонизацию. Естественная колонизация — колонизация слабо заселенных территорий, естественные условия которых пригодны для проживания европейских колонизаторов. Освоение подобных территорий, как правило, не встречает больших препятствий. В итоге образуется страна, заселенная преимущественно европейцами, с европейской культурой; экономика колонии базируется на труде переселенцев. Искусственная колонизация — колонизация территории, естественные условия которой резко отличаются от исходных, поэтому освоение подобных пространств силами переселенцев практически невозможно. В результате образуется государство, население которого представляет собой симбиоз местного и малочисленного пришлового населения.

П. Головачев¹⁸, анализируя результаты русской колонизации Дальнего Востока, пришел к выводу, что Россия вышла в этом регионе за свой геоклиматический ареал, с чем и связаны сложности в колонизации этой территории. Действительно, первым переселенцам пришлось столкнуться с непривычными природными условиями, осложнявшими адаптационный процесс — нетипичным для средней полосы России и Украины ландшафтом, муссонным климатом, бесснежными зимами, летними наводнениями, и, как следствие, невозможностью применения традиционных агроприемов в привычные сроки.

Фундаментальным исследованием по интересующей нас проблеме может быть признан труд Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении». В

¹⁷ Болье Л. Колонизация новейших народов. СПб., 1877. С. III.

¹⁸ Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904.

этой работе, посвященной колонизации Сибири, отдельные главы он отводит Дальнему Востоку, и в частности Приамурью. Автор приходит к выводу, что процесс приобретения и заселения Сибири есть продукт двух сил — государственной и вольнонародной¹⁹. Выступая сторонником либеральной модели колонизации, он считал, что «народный труд в деле колонизации... не должен быть стесняем, а предоставлен до известной степени самому себе. Далее Н. М. Ядринцев отмечал, что в деле колонизации борются два направления — «регулирование народных движений, управление ими, искусственные поощрения и второе, имеющее в виду лишь помогать народному направлению, куда оно стремится. Последний способ составляет прием, практикуемый ныне европейской колонизацией». Причину, по которой русская колонизация не имеет успехов европейской, Ядринцев видит в том что «бюрократическая самоуверенность и привычка вмешательства затмевает здоровую государственную политику и задерживает культурную историческую работу в сфере колонизации»²⁰.

Одним из наиболее ранних исследований, содержащих описание колонизационной политики в Приамурье, является работа Н. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае», изданная в 1870 г. Проблема колонизации Уссурийского края становится более выразительной в контексте представлений Н. Пржевальского о миссии России в Азии. Он отстаивал политику расширения России за счет Азии, став теоретиком российского экспансионизма. Его идеи были вполне созвучны распространенным в то время в европейских колониальных державах теориям европейской культурной миссии. Подводя первые итоги русской колонизации Уссурийского края, автор выделяет несколько факторов, оказавших негативное влияние на ее результаты: принудительное переселение казаков, малочисленность населения, недостаток рабочего скота, неблагоприятные климатические условия, неудачные действия администрации. Кроме того, Н. Пржевальский предложил ряд общих мер, которые могли способствовать изменению ситуации в крае в лучшую сторону²¹.

Нельзя обойти вниманием и работу М. И. Венюкова «Опыт военного обозрения русских границ в Азии», в которой впер-

¹⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 217.

²⁰ Там же. С. 219–220.

²¹ Пржевальский. Н. Путешествие в Уссурийском крае. СПб., 1870.

вые были изложены научные подходы к изучению освоения окраин²².

В целом работы, рассматривавшие особенности русской дальневосточной колонизационной политики, условно можно разбить на несколько категорий:

— публикации социально-экономического и политико-правового характера, зачастую содержащие элементы ретроспективного подхода к изучению этих проблем²³;

— естественнонаучная и этнографическая литература, содержащая информацию о колонизации Россией Дальнего Востока, этническом составе населения²⁴;

— публицистика и мемуарная литература, размышления о целях России на Дальнем Востоке²⁵;

²² *Венюков М. И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873.

²³ *Афанасьев Д.* Амурский край и его значение. СПб., 1863; *Буссе Ф. Ф.* Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг. СПб., 1896; *Грум-Гржимайло Г. Е.* Описание Амурской области. СПб., 1894; *Панов А. А.* Сахалин как колония. М., 1905; *Плаксин.* Приморская область Восточной Сибири // Сибирский Восточный сборник. 1869. № 12. С. 177–206; *Слонин Н. В.* Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908.

²⁴ *Богданов Д.* Наши богатства. Промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1910; *Будищев А. Ф.* Описание лесов части Приморской области // Западно-Сибирское отделение ИРГО. Иркутск, 1867. Кн. 9 и 10. С. 95–432; *Маак Р.* Путешествие на Амур. СПб., 1859; *Максимов А.* Уссурийский край. Инородческое население края // Русский вестник. 1888. Август. С. 137–163; Декабрь. С. 19–46; *Надаров И. Г.* 1) Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884; 2) Северо-Уссурийский край. СПб., 1884; 3) Южно-уссурийский край в современном его состоянии // ИРГО. Т. XXV, 1889. Вып. 3. С. 197–228.

²⁵ *Алябьев А. А.* Далекая окраина. Уссурийский край. СПб., 1872; В трущобах Маньчжурии и наших восточных окраин. Одесса, 1910; *Бурачек Е. С.* Воспоминания заамурского моряка // Бурачек Е. С., Бурачек В. В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток, 1999; *Барсуков И.* Граф Н. Н. Муравьев-Амурский // Материалы для библиографии. М., 1891. Кн. 1–2; *Венюков М. И.* Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг. // Русская старина. 1879. Январь. С. 81–112. Февраль. С. 267–304; *Головачев П.* Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904; *Жданов Л. Г.* Движение России на ДВ. СПб., 1913; *Заборинский А. И.* Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. // Русская старина. 1883. Ч. 6; *Завалишин Д. И.* Амурское дело и его влияние на Восточную Сибирь и государство // Там же. 1881. Т. 32. Кн. 9–10; *Лигин Ю.* На Дальнем Востоке. М., 1913; *Муров Г. Т.* Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901; *Суботич Д. И.* Амурская железная дорога и наша политика на Дальнем Востоке. СПб., 1908; *Тымченко-Рубан Г.* Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края // Военный

— различного рода информационные бюллетени, цель которых — «освещение всех сторон современной постановки колониационного дела»²⁶.

В ряде публикаций делается попытка обобщения конкретного колониационного и переселенческого опыта России в Сибири и на Дальнем Востоке²⁷. Особняком стоят работы, в которых предпринята попытка сравнительного анализа колониационной политики России и сопредельных стран²⁸.

Ценную разноплановую информацию об истории колонизации, социальном и экономическом развитии края содержит сборник «Приамурье. Факты, цифры, наблюдения»²⁹, явившийся результатом командировки на Дальний Восток 140 уполномоченных от земских организаций весной 1908 г. Активное участие в подготовке этого труда, получившего большой отклик в радикальных кругах общества, принял Г. Е. Львов.

Исследователями XIX в. была отмечена разница между «колониацией» и «переселением». В рамках такого подхода проблему колонизации можно рассматривать как семиотический процесс — превращения «чужого» в «свое» посредством семантического и прагматического присвоения новых земель. По мере освоения новых земель Приамурья и Дальнего Востока происходило постепенное расширение сферы действия «своего мира» и сужение значимости «чужого», несвоего. Одним из механизмов гомогенизации «политического пространства» России являлась имперская система территориально-административного устройства и управления, призванная окончательно включить эту территорию в состав импе-

сборник. 1909. № 8–12; *Хмелева О. Н.* Правда об Уссурийском крае и его обитателях. М., 1899; *Шрейдер Д.* Наш Дальний Восток. СПб., 1897.

²⁶ Вопросы колонизации. Периодический сборник / Под ред. А. В. Успенского и Г. Ф. Чиркина. СПб., 1908–1914.

²⁷ *Кауфман А. А.* 1) Сибирское переселение на исходе XIX века. СПб., 1901; 2) Материалы по вопросу колониационной вместимости Приамурского края. СПб., 1901; *Коржинский.* Амурская область как земледельческая колония // Записки Восточно-Сибирского отделения географического общества. 1892; *Панов А. А.* Сахалин как колония. М., 1905; *Патканов С.* Краткий очерк колонизации Сибири // Ежегодник России за 1907 г. СПб., 1908; *Риттик А. А.* Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899; *Елисеев А. В.* Южно-Уссурийский край и его русская колонизация. СПб., 1891.

²⁸ *Козановский А. И.* Переселенческое дело в Китае и наша дальневосточная окраина // Известия Восточного института. Владивосток. 1909. Т. XXIX. Вып. 2. С. 1–14.

²⁹ Приамурье. Факты, цифры, наблюдения М., 1909.

рии, обеспечить трансляцию политических, социокультурных идеологем, форм жизни, свойственных центру.

Особый интерес в связи с указанной проблемой приобретает вопрос исследования административного устройства и управления в контексте темы колонизации. К сожалению, этой теме не было уделено должного внимания. Исключение представляет работа «Новое административное разделение Сибири»³⁰, опубликованная в «Сборнике историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах». Издатели сборника ставили перед собой задачу на основании статистических материалов и архивных документов «провести и укрепить в читающей публике здравый, правильный взгляд на край, его настоящее положение, потребности и способ удовлетворения их»³¹. В указанной статье рассматривается история складывания системы управления вплоть до 1875 г. В заключение автор приходит к выводу о невозможности управления Амуром из Иркутска и констатирует, что четыре последовательно сменивших друг друга генерал-губернатора Восточной Сибири не пришли к единому решению по поводу административного устройства края³².

Информация о системе управления Дальним Востоком содержится в работах К. Куртеева, П. Ф. Унтербергера, Г. Г. Савича³³.

Таким образом, анализ дореволюционной историографии показывает, что колонизационная политика России не была включена в проблематику исторической науки. В конце XIX — начале XX в. не сложилось общих представлений о моделях и методах колонизации, а также концепции развития и освоения Дальнего Востока.

Большинство исследователей — это чиновники, офицеры, путешественники, решавшие свои профессиональные или научные задачи, работы которых могут служить для современных историков источниками по этой теме. Широко распространенной в дореволюционной историографии являлась точка зрения, сложившаяся в

³⁰Новое административное разделение Сибири // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 2. Вып. 1. С. 1–24.

³¹Новое административное разделение Сибири // Там же. С. 4.

³²Там же. С. 12.

³³*Куртеев К.* Краткий очерк внутреннего устройства Приамурья. Хабаровск, 1909; *Савич Г. Г.* Законы об управлении областей Дальнего Востока. СПб. 1904; *Унтербергер П. Ф.* 1) Приамурский край (1906–1910). СПб., 1912; 2) Приморская область (1856–1898). СПб., 1905.

результате попыток осмыслить ход и результаты русской колонизации, выделявшая в качестве особенности русского колонизационного процесса взаимодействие народной и государственной колонизаций. Сторонники вольнонародной модели колонизации отмечали, что успешность государственной политики в этой области напрямую связана с экономическим фактором, являющимся основой данного типа колонизации. Рассматривая колонизацию Приамурья, большинство исследователей отмечало, что она занимает особое место в российском колонизационном процессе, так как процесс инициирован сугубо государственными интересами.

Е. Ю. СТАБУРОВА

СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИК ЛИ ВЭНЬХАЙ О ЦЗЭН ГОФАНЕ

Осенью 1998 г. в книжных магазинах Пекина меня удивило обилие книг, так или иначе посвященных Цзэн Гофаню (1811–1872). Внимание к этой личности, раньше в исторической литературе КНР однозначно проходившей в графе «злодей», показалось мне знаковым событием. То, что мысль современных китайских историков действительно сейчас занята работой над смягчением оценок Цзэн Гофана, над включением его если не в круг «своих», то по крайней мере «близких», я отчетливо поняла из богатой новыми подходами лекции ректора Народного университета Ли Вэньхая, которую он 2 ноября 1998 г. прочитал историкам-докторантам своего университета¹. Оценки Цзэн Гофана я также обнаружила в любезно подаренной мне автором книге². Это все показалось мне достаточно интересным для выделения в особую проблему. Тем более что за оценками личности одного цинского деятеля просматривается широкий круг вопросов, касающихся не только исторической

¹ *Ли Вэньхай*. Проблемы истории Китая в новое время // Конспект лекции, прочитанной 2 ноября 1998 г. историкам-докторантам Народного университета (из архива автора).

² *Ли Вэньхай*. Шницзи чжи цзяоде. Вань Цин шэхуй (С веком связанные. Позднецинское общество). Пекин, 1995.

© Е. Ю. Стабурова, 2004